

Inna Volkova

**Тот вечер, тот случай с
собакой**

ISBN: 978-1-7947-7184-0

УДК: 1751

Независимое Издательство



Budapest 2021

Аннотация

Посвящено Агн
Мари-Элен Лафон

«Я иногда думаю, как она лежит под ним. Он такой огромный, угловатый, толстый. Он как великан-людоед, проглотит ее, чтобы освободиться, чтобы удержать и чтобы выздороветь. Потому что он не такой, как я, он боится, с самого начала боится, с того самого вечера, с того случая с собакой. Он ведь у нее не первый. Он знает, что она может уйти, знает, как она это делает. Я этого не знал. Я вообще не знал, как женщины уходят».

Это говорит Лоран. Он потерял Марлен. Расставание завершилось и теперь он вспоминает их историю любви. Марлен, она была моложе его, она была из Нормандии. Не смотря на невыносимость деревенских жителей, они были счастливы вместе...

А потом наступил тот вечер, когда произошел этот случай с собакой, когда та была ранена. Когда другой мужчина забрал Марлен у Лорана. Это был женатый ветеринар, отец семейства, ради нее он оставил все.

В этом романе перекликаются разные взгляды каждого персонажа, самые его глубокие переживания, эмоции, желания, прошлое, боль.

(Бюше Шастель 2003)

У этой писательницы есть также следующие романы:

Liturgie

Novelles

Prix Renaissance de la Nouvelle 2003

Buchet Chastel 2002

Sur la foto

Roman 2002

Buchet Chastel

Она носила варежки и растерянно наблюдала за сестрами в розовых шерстяных рейтузах.

Она постоянно читала. Было ли темно, светло, солнечно, она всегда читала.

Другие, кто был рядом были почти голые, нахальные, смеялись, наслаждаясь летним светом.

Она никогда не покупала книг, она брала их в библиотеке. Два раза в неделю сюда приходил голубой библибус. Он останавливался в определенном месте, там был ковер, внутри автобус был серым, там царила тишина и определенный запах. Библиотекарь и водитель ее знали, они всегда ждали ее. Это для Вас, Марлен, Вам это понравится, я отложила это для Вас. Библиотекарь называла ее Марлен, она не знала ее настоящего имени: Мари-Элен. Марлен всегда считала это имя слишком длинным, слишком мягким для себя. Оно как будто бы капает и напоминает варенье». Я цитирую ее, слово в слово. У нее была особенная манера говорить о вещах: более точно, живо и бессодержательно. Она говорила отдельными словами, которые становились круглыми, выпуклыми и ползли. Этим словам нравилось быть такими, как и мне нравилось быть с ней.

Ее имя, Мари-Элен, я в первый раз услышал, когда пошел в гости к ее маме. Ее мама и обе сестры называли ее либо Мари, либо Элен. В их доме никогда не было ни одного мужчины, никогда. А женщины были светловолосые, бледнокожие, высокие. Ее сестры были очень юными, двенадцати и тринадцати лет, близняшки, чья грудь намечалась, напоминая спелые фрукты.

Все были одинаковыми, включая бабушку и маму, которая была все еще красивой и гордой. Бабушка, которая называла ее Мари-Элен и которая так ее и назвала, воспитала ее. То, как они ее называли, говорило об их характере.

Она читала. Я всегда думал, что она нравится библиотекарю. Библиотекарь была молодая дама, бледная, мягкая блондинка. Она не знала, что ей нравятся женщины. Библиотекарь боялась меня. Я смущал ее, когда вместе с Марлен поднимался в библибус и подходил близко к ее столику, чтобы полистать журналы. Я никогда ничего не брал для себя, моя карточка использовалась Марлен. Если я слишком долго находился возле ее столика, она вставала, делая вид, что ей нужно что-то переложить и находилась она в это время среди детей. Она пряталась, а я следил за ней взглядом. Вечером мы с Марлен над этим смеялись. Мы не обижали ее. Библиотекаря звали Од Каду. Это красивое имя.

«От тебя исходит запах любви, ты занимаешься сексом, это ее сковывает. Ты смотришь на нее, как будто говоря, она и я, я и она, мы занимались любовью целый день. Вы работаете, другие работают, мужчины работают, кто с животными, кто на машинах, кто в коровниках, недалеко работают, а женщины работают дома. У людей и вещей есть свое дело, свое состояние, наше состояние, наше дело-это заниматься любовью, целый день, а потом приходиться и читать книги в вашем библибусе, книги, оставленные для нее, это и есть наша жизнь.»

Для того, чтобы читать книги, она хотела иметь стол, у окон, которые были бы перпендикулярны друг другу. Она говорила, что это ее любимый угол и проводила часами за чтением.

Её голова была опущена на ладони, а красоту образа дополняли волосы: надушенные, толстые, тяжелые, вьющиеся кольцами, как настоящая львиная грива, созданная лишь для того, чтобы касаться ее кончиками губ, ласкать. Когда она сидела, то ее упругие ноги двигались, ее левая нога билась правую, если она была одета, то она держалась за краешки одежды кончиками пальцев. Я ее всегда ждал. Иногда я просил ее почитать. Она читала, как будто разговаривала, и она разговаривала, как будто читала. Я никогда не понимал, где различие и она тем более. Она никогда ничего не комментировала. Да, это так было, она не была хорошим учеником и ненавидела школу, объяснения среди других учеников в мире, который нужно было понимать. Она смеялась, ничего не хотела понимать. Когда она читала, я был рядом, ничего не делая, смотрел на нее, и если была зима, то смотрел и на огонь. Марлен сидела напротив этих огней, чтобы так видеть, нужно было хорошо устроиться справа. Когда мы переехали в дом, я покрасил стены в белый цвет, ей это нравилось. Она любила ткани, она одела, она так выражалась, одела окна. Стол был насыщенного цвета, тяжелый. Кровать была белой, стены - голыми, паркет-тоже, гладкий и слегка белый. Я много для этого поработал. Я оставил этот дом, я не мог там быть без нее. Я вернулся туда лишь раз, там ничего не осталось. Вещи, объекты, предметы, люди, все ушло.

У нас было мало вещей, у меня и у нее, Марлен ничего не накапливала. У нее не было своих желаний. Дом был пустой, но там был свет, тишина и прекрасный вид на выгравированный город на краю неба. Но мы ничего не смогли сохранить. Я очень плакал. Я уже больше никогда туда не вернусь. Моя мама сможет сдать его, я сказал ей об этом. Это очень добрый дом, дом для любви.

Бусине, 28 июня 1976

Дорогие мои,

Спасибо за ваше последнее письмо,

Я его часто перечитывала, я не ответила сразу, потому что на прошлой неделе мы начали переезжать со второго этажа, сюда, в новый дом. Лоран все сделал сам. Я сижу за своим столом с открытыми окнами. Я окружена голубым цветом, не таким как море или лето, а таким, как утес, который как бы ускользает куда-то далеко, где видеть его уже невозможно. Лоран говорит, что свет съедает все, что он съел весь этот город.

Наша комната-это лучшее место в доме, Лоран установил ванную, я тоже ее очень люблю, это благодаря окну. Я не вешала занавески, у нас нет рядом соседей.

Я много шила руками и машинкой мамы Лорана. Я думаю, что ты была бы рада, мамочка, работа лечит. Тебе не понравились бы цвета наших комнат, я не использовала ни розового, ни серого, никаких других пастельных оттенков. Эти тона не подходят для этого дома, никакого черного, заметь.

Завтра придет мама Лорана. Это ее дом, она здесь жила с родителями, выросла, но после свадьбы не захотела здесь жить. Лоран говорит, что это все из-за его папы. Я с ней не говорила об этом. Вообще она не говорит об этом. Лоран говорит, что то, как мы обустроили дом, ей понравится. Пока я тут, то успела прочитать «Борясь с тенью», Александра Велата и «Горный страх» Шарля-Фердинанда Рамю. Библиотекарь их выбрала для меня, она знала, что мы уезжаем из нашего городка. Хотя я ей ничего не говорила, а Лоран тем более, мы говорим только о книгах, она очень стеснительная. Но здесь люди все рассказывают. Она мне сказала: »Эти книги предназначены для чтения на острове«. И она права.

Ответь мне побыстрее. Почтальон быстро носит почту. Он берет мои письма, хотя ему далеко до меня добираться. Но он всем доволен. Это местный почтальон. Он знал этот дом еще при жизни родителей Лорана, когда он был маленьким и для него я и Лоран-это как «Весточка из молодости». Он мне сам это сказал в первый день нашего знакомства. Всех обнимаю.

М.

В библибусе находились в основном дети и пожилые женщины, они брали книги. Детей сопровождал учитель. Они приходили где-то между 15.30 и 16.30 и так завершали свой школьный день. Мы с Марлен

Inna Volkova «Тот вечер, тот случай с собакой»

оставались. У нас было время. Они нас веселили. Дети называли библиотекаря Од, а учителя Жан-Лук. Это был худенький, миниатюрный, бледный человечек с веснушками. Видимо он очень любил детей и очень хотел наплодить их. Он дотрагивался до них, смеялся вместе с ними. Таял и согревался, купаясь в своей славе.

После того, как уходили дети, приходили женщины. Это были старухи или стареющие женщины. У молодых времени не было. Они постоянно посещали библиотеку, ходили по одному или группами, шушукались, наклоняясь по три-четыре шляпки. Они ходили туда как на мессу, не как на службу по поводу похорон, или как на торжественную службу, но и не как в бакалейный, или мясной магазин, куда можно было прийти в кофте и жилетке из грубой шерсти, библибус - это совсем другое дело. Некоторые женщины вообще не ходили туда. Книги были завернуты в пластиковый пакет, они часто их брали, мало что комментировали, а только советовались между собой, говоря низким голосом и делая наклоны головой, и не задавая вопросов мадемуазель Каду, которая все время забывала их имена. Это было забавно, как человек, который так много учился, забывал имена. Но нужно отдать ей должное, она всегда с детьми была милой, спокойной, нежной. Они сами так говорили, и вот их имена она запоминала с первого раза.

Женщины знали меня. Я сын Терезы. Я уезжал, приезжал. Они не удивлялись, и бросали короткие взгляды на Марлен. У меня, кстати, есть профессия. Я как все. Так хотел мой отец, чтобы я умел делать что-то руками, электрик, например, без работы не останется. Для этого достаточно просто быть смелым. Я был смелым. И творил в сырных погребах, в старых сараях, все знали, что нужно обратиться ко мне, и у меня была работа. Но существовала эта девушка. И я все время проводил в библиотеке, я врос в нее, как вишня вырастает в землю. Вместо того, чтобы проводить время вместе с другими мужчинами, сыновьями, мужьями, зятьями, братьями. Ведь библибус - это не место для мужчины, особенно для здорового, молодого мужчины. Женщины знали, что я бывал там ради Марлен, ради этой девочки, с настоящей гривой, толстых, густых волнистых волос. Они хотели быть, как она, хотели быть тем, кем они не были. Она не видела их. Она решила не смотреть на них. Она знала, как себя защитить.

У старух глаза были как у куриц. Они не были злыми. Они просто были другими. И знали, как нужно жить. Они так думали. Они заботились о доме: их дом находился во власти умных, рано огрубевших рук. Они заботились о доме, о детях. Они всегда должны были считаться с мужчиной и служить ему, лежа под ним ночью. У многих были

любовники, или один ребенок, самые смелые беременели, без сомнения, а неудачницам приходилось выходить замуж, многих мама одевала не так как все, чтобы соответствовать определенному статусу, чтобы кем-то казаться и жить так, чтобы другие видели, что ты так живешь. Моя мама могла рассказать мне истории этих женщин. Все помнили их, но мы не разговаривали об этом. Мы помнили эти истории, но и все. Мы к ним так привыкли, и уже не о чем было и говорить. Женщины, которые не любили Марлен, они были как все. Днем они жили, ночью спали. Их любовь, это было лишь дело ночи и прежде всего это дело совершалось с мужем.

Иногда я спрашивал себя, когда ходил в бакалейный магазин (Марлен никогда не ходила в магазин) вместе с этими женщинами с бесформенными телами. Которые уже почти умерли и которым были свойственны определенные запахи. Они были одеты в привычную для них одежду. И я спрашивал себя, а что было бы, если бы они на время забыли все и познали бы постоянство желаний при дневном свете, вот, когда просто желаешь любви. И, спрашивая себя об этом, я внутренне улыбался. Никто никогда не начнет говорить об этом, да и с кем говорить.

Нам свойственно все забывать, я, наверное, забуду себя, забуду себя с Марлен. Ее стопы, плотные, устойчивые, круглые, короткие, мягкие и гладкие, как у ребенка. Я держал их в своих руках. А вот брал ли кто-нибудь в руки ноги тех шепчущихся старух в библибусе или брал ли кто-нибудь в руки бледные ноги Од Каду, просто так, ради удовольствия, ради наслаждения тишиной вдвоем? Хоть кто-нибудь это делал? Так же как я, любя свою женщину, любя ее в своих руках.

Здесь, другие женщины, они прятали свои тела. Они работали. Они водили машины, трактора, находились в молочных отделах, всегда были заняты делом, потные, окруженные запахами сыра и сыворотки. Они стояли у корзин с овощами в бесформенных штанах, руки в земле, груди висят. Когда они одевали что-то нарядное для воскресения, вещь как-то существовала отдельно от их тела, и выглядело это как-то абсурдно. Я не хотел этих женщин. Я не мог их захотеть. Их мужчины занимаются с ними чем-то вроде любви. Я не мог представить чего-то другого, чем эти подобию любви в их жизни, простое возрастное удовлетворение. Я ждал от них мягкости, но ее признаки не появлялись. Иногда что-то радовало, например, платье, но тело выдавало их. Я их беспокоил летом, в это время плодоношения. Здесь короткое лето. Я знал их. Но ничего не мог интересного про них думать.

Сегодня она пришла, вернее, они пришли. Он всегда ходит вместе с ней. Она никогда никуда не ходит сама. Мне кажется, что она не

умеет водить машину. Она взяла то, что я ей приготовила, это Альфонс Будар и Луис Сепульвед. Он ничего никогда не берет, а я не осмеливаюсь ему что-то предлагать. Я уверена, что «Зажечь огонь» Джека Лондона ему бы понравился. Он ждет ее, смотрит на нее. Она очень ему нравится.

Мне кажется, что Жан-Лук слишком строг с детьми, он не дает им самим выбирать. Наверное, мне нужно ему об этом сказать. Но это сложно. Никак не найти времени, чтобы поговорить с ним. Но надо бы поговорить. У него еще такая манера говорить..., я не люблю такую, и он очень быстро уходит. Но все хорошо. Я поговорю с ним, я сама хочу этого. Я думаю, что поговорю с ним во вторник. Я вижу, как он среди детей заходит в автобус, он очень быстро собирается, раз и готов. На самом деле, это очень даже нужно. Я желаю этого. В течение недели я все время желаю этого. Я думаю, что поговорю с ним во вторник. Я смотрю часто на него, когда он вместе с детьми заходит в автобус. Он очень быстро это делает. Я произвожу на него впечатление. Я задумываюсь, чем же именно? Все это очень веселит меня, меня вот пока никто не привлекал так, как я его. Он не влюблен, а я уж тем более, он говорит, что это все для удовольствия, это основа любви. У него множество женщин, у его жены тоже множество мужчин. Когда она беременеет, он как будто бы начинается разрываться на множество частей, он растрачивает всего себя, дарит себя, как бы распространяет себя и становится худым в женских кроватях, или на кухнях, или в машинах, или в автобусе. Он ничего и не отрицает. Но Марлен, ее он не получит никогда. Он говорит, что она в хороших руках и спрашивает самого себя, что она находит в этом электрике. Но оказывать ей знаки внимания не осмеливается. Иногда он смотрит на нее украдкой, пока не заметит, что она и не видит его совсем. Он удивляется, как так, такой петух-самец, как он и не может ее завоевать.

Лоран-это красивое имя, лощеное. Это имя ласкает губы и всю тебя. У него нежные, длинные, нервные руки. Я представляю, какими они могут быть нежными, спокойными, когда ласкают тебя изнутри. Он всего себя отдает ей. Мужчины здесь не такие, Жан-Лук, мой отец, мой брат, в них нет этой страсти, они не умеют ее чувствовать, боясь быть униженными. Они какие-то недоделанные, они делают все по чуть-чуть, они боятся боли. Лоран, у него как будто содрана и вывернута кожа, он наг. Но никто, кроме нее не может дотронуться до этого сердца.

Я встретил Марлен на море. В другом городе, у нас с братом был диско-мобиль. Мы любили музыку и всегда хотели, чтобы была музыка, то ли всерьез, то ли на самом деле. Отец ничего нам не запрещал при условии, чтобы у нас была другая профессия, он говорил, что музыканту тяжело зарабатывать, он не говорил, что невозможно, а просто говорил, что тяжело. Ришар пошел работать на почту, а я стал электриком. А летом мы оборудовали один автобус и путешествовали с музыкой, с одного пляжа на другой по всей Нормандии. Нам нравились эти уютные местечки, а у Ришара там были друзья, с которыми он работал на почте и мы вечерами собирались вместе, в продолговатых, низких домах, окруженных зелеными садами. Это были наши первые каникулы, еще до всех моих женщин, еще до Марлен и до Шанталь, до моей золовки.

У моего отца было намного больше силы, чем у меня. Я чувствую себя старше его. Он играл на аккордеоне. Его учил отец и дедушка в семье играть на аккордеоне. По воскресениям они все трое играли на вечерах. Они выезжали из округа. Далеко. Мечтали. Они были очень энергичными. Их женщины ждали. Они знали, что их мужья особенные. Они доверяли им, знали, что в понедельник мужья пойдут на работу, а вечером будут для них играть, пробуя впервые показать какое-то новое произведение. Они творили, импровизировали. Это был клан правильных мужчин, которые днем работали, чтобы заработать на жизнь, а вечером играли для радости. Они были веселыми. Умели ничего не бояться. Мы с братом получили этот дар в наследство.

Марлен не умела танцевать, это я научил ее проявлять чувства, как только услышишь музыку. Я научил ее этому гораздо позже, не тем летом, научил просто так для нее и для себя. Ей тогда было восемнадцать лет, у нее была копна волос цвета каштан, (профессиональное парикмахерское образование) черные перчатки, две сестры с собой и какая-то аллергия. Причиной был ее отец. Она носила по нему траур, траур по детской мечте, в которой она мечтала, что папа всегда будет рядом, от мечты ей пришлось отказаться. Она еще выросла. Я же был старше ее на двенадцать лет.

Она родилась без отца, дочка матери-дочки, они были из большого города на побережье Нормандии, куда ее бабушка и дедушка по материнской линии переехали после войны. Они были пекари. Если говорить более точно, то они были пекари-кондитеры. Ее мать, сразу после родов переехала в Руен ради работы, именно там она могла спокойно жить, не терпеть постоянные осуждения и обвинения. Марлен росла с ароматом только что испеченного хлеба. Никто не говорил ей о матери, которую она и так не видела. Ее бабушка и дедушка были

хорошими, подавленными, достойными, тихими людьми; она была красавицей, с основным образованием, тихонечко стояла за кассой, где наблюдала за бабушкой, которая точная, статная выдавала сдачу постоянным посетителям, имена которых в шесть лет, она знала наизусть.

Особенно она любила воскресения, по которым все ходили на мессу, она не ходила, потому что одну ее не хотелось отпускать, а сопровождать ее никто не мог. Они с бабушкой оставались вдвоем за кассой среди булочек, сахарных и пузатеньких, под названием «шоколадная монахиня», творожных булочек и среди листочков с яблочной начинкой, настоящим бабушкиным шедевром, который заказывали за две недели вслед за Онфлером и Этретой. Марлен любила выбирать картон, белый с поднятыми краешками, чтобы избежать катастрофы падения шедевра и сверху клалась нежно-кремового цвета бумага, слегка пахнущая ароматом розы, все это было сделано ею, ее быстрой, точной рукой, получалась изысканная пирамида с изысканным винным ароматом. Еще она любила звонить в колокольчик в праздничные дни и любила кропотливые бабушкины движения, когда она клала булочки в духовку до открытия магазина.

Ее бабушка и дедушка сохранили свой статус, который у них был в Каене, где у них был самый большой и красивый дом, где его работники, безупречные и сдержанные, в белых брючках всюду следовали за мадам Бланш, за хозяйкой, стоящей в свете своей белоснежного мрамора кассы. Но бомбардировки 1944 попали в любимый магазин и сын не встал из-под обломков. Дедушка с бабушкой потом уже и не захотели начинать все заново. Они вдруг почувствовали себя сильно уставшими, глубоко в трауре по потере сына, единственного, любимого, их надежды на процветание булочной. Мать Марлен была другого возраста: она сопротивлялась коммерческому делу, была непостоянна с посетителями и была весьма изменчивого нрава: то она училась в пансионе Руена, то она училась шить, то училась на стенографистку, то на уборщицу. Но нужно было учиться как-то, жить, и они решили начать работать в одном большом городе на берегу Нормандии, где не было таких живых воспоминаний о прошлом.

Сегодня 18 июня 1967 года и мне исполнилось десять лет. Мамочка мне подарила эту тетрадку, чтобы я записывала сюда все, что захочу. Мамочка говорит, что мы должны помнить. Она часто мне рассказывает про моего дядю Жоржа, которого я не видела, потому что он умер задолго до моего рождения. Он умер очень молодым, в шестнадцать лет. Он был старше меня на шесть лет. Она говорит, что мы должны помнить, чтобы мертвые казались нам

Inna Volkova «Тот вечер, тот случай с собакой»